
Теоретико-эмпирические исследования

БЕЗДУХОВНЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ИСТОЧНИК КРИЗИСА В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

К.В. КАРПИНСКИЙ

Карпинский Константин Викторович — заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии Гродненского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент. Область научных интересов — психология жизненного пути личности. Автор книг: «Человек как субъект жизни» (2003), «Опросник смысложизненного кризиса» (2008), «Профессиональное самоотношение личности и методика его диагностики» (2010). Контакты: karpkostia@tut.by

Резюме

В статье представлены результаты теоретического анализа и эмпирического исследования бездуховного смысла жизни как детерминанты смысложизненного кризиса в развитии личности. Бездуховный смысл жизни рассматривается как один из вариантов функционально неоптимального смысла жизни, в содержании которого преобладают эгоцентрические ценности на фоне отсутствия или малой представленности самотрансцендентных ценностей. Результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют о том, что такая содержательная композиция ценностей, принятых личностью в качестве источников смысла собственной жизни, существенно обуславливает интенсивность переживания смысложизненного кризиса.

Ключевые слова: *смысл жизни, духовность, неоптимальный смысл жизни, бездуховный смысл жизни, смысложизненный кризис.*

В современной психологии актуальной проблемой является изучение закономерностей поиска, обретения и реализации личностью смысла

жизни, а также дифференциальных свойств и возрастных особенностей данного психического феномена. Перспективной линией разработки

этой проблематики выступает психологический анализ феноменологии, механизмов и закономерностей смысложизненного кризиса в развитии личности. С самых общих позиций смысложизненный кризис определяется как длящееся состояние, которое порождается неразрешимыми или неразрешенными противоречиями в поиске и практической реализации смысла индивидуальной жизни, характеризуется специфической феноменологией, обуславливает дисрегуляцию повседневной жизнедеятельности и психологическую деформацию личности как субъекта жизни (Карпинский, 2009). Состояния личностного развития, подобные кризису смысла жизни, в научной литературе обозначаются разными терминами: «экзистенциальный невроз», «фрустрация потребности в смысле жизни», «метопатология», «кризис ноодинамики», «ценностный кризис» и т.д. Для описания их субъективной картины удачно подходят метафоры «экзистенциального вакуума» (Франкл, 1990) и «отчуждения» (Леонтьев, Осин, 2007), а их главным отличительным признаком является недостаток ценностей, которые могли бы придать жизни мотивационную привлекательность, эмоциональную насыщенность и сквозную смысловую направленность.

Систематизация сложившихся представлений о путях и факторах возникновения этих состояний позволяет выделить две этиологические разновидности смысложизненного кризиса: кризис бессмысленности, который наступает из-за отсутствия смысла в жизни и невозможности его отыскать, и кризис смыслоутраты,

который порождается потерей смысла жизни в критической ситуации и невозможностью его восстановить. Несмотря на существенные различия в детерминации названных видов кризиса, их сближает общий этиологический фактор — дефицит ценностей, которые организовывали, структурировали и наполняли бы индивидуальную жизнь смыслом. В случае кризиса бессмысленности можно констатировать первичный дефицит смыслообразующих ценностей, а в случае кризиса смыслоутраты — вторичный дефицит, которому предшествовало относительное смысложизненное благополучие. Так выглядит традиционный подход к объяснению этиологии смысложизненного кризиса в развитии личности. Сам по себе этот подход не вызывает нареканий, но он основывается на ряде аксиоматических положений о смысле жизни, которые не вполне соответствуют реальности и не всегда критически рефлексированы исследователями. В сжатой форме аксиоматику данного подхода можно сформулировать в следующих суждениях: а) наличие в жизни смысла является безусловным благом для личности и залогом ее прогрессивного развития, продуктивности, благополучия, адаптации и здоровья; б) отсутствие или разрушение смысла жизни неизбежно оборачивается для личности психологическими проблемами; в) при этом совсем не важно, каков этот смысл по своим содержательным и формальным (структурным, функциональным, темпоральным, энергетическим) свойствам. В действительности далеко не всякий смысл жизни служит фактором восходящего развития,

жизненной продуктивности и устойчивого благополучия личности. При определенных условиях смысл жизни превращается из блага, отвечающего одной из насущных потребностей, в бремя, которое мешает гармоничному развитию и нормальной жизнедеятельности личности.

На протяжении ряда лет нами проводится цикл теоретико-эмпирических исследований, направленных на раскрытие закономерностей возникновения и протекания личностных кризисов, спровоцированных принятием и попытками осуществления «неоптимального» (В.Э. Чудновский) смысла жизни. В ходе этих исследований выявлены различные виды неоптимального смысла жизни, в том числе нереалистический, конфликтный, неконгруэнтный, дезинтегрированный, каждый из которых обнаруживает высокую кризисогенность в развитии личности. Цель настоящего исследования — теоретически проанализировать еще одну психологическую разновидность, именуемую «бездуховный смысл жизни», и эмпирически изучить ее взаимосвязь с переживанием личностью смысложизненного кризиса.

Исследование бездуховного смысла жизни не представляется возможным без предварительного прояснения значений понятия «духовность» в современной психологии личности. Уже в 1950–1970-е гг. это понятие широко употреблялось в ряде влиятельных теорий, в основном гуманистической ориентации, для обозначения вершинных уровней в психологической структуре личности. С начала 1990-х гг. к анализу духовности как феномена личностного бытия человека обратились ведущие

российские психологи (Зинченко, 2002; Знаков, 1998; Пономаренко, 1998; Шадриков, 1996). Объемность понятия, охватывающего высшие, лучшие проявления человеческой сущности, длительное время была помехой для организации эмпирических исследований. В настоящее время понятие духовности постепенно превращается из абстрактно-теоретического концепта в конкретно-эмпирический конструкт. Это обусловлено выделением и обоснованием таких единиц психологического анализа личности, которые открывают возможности для операционализации духовности. К их числу, прежде всего, относятся мотивационные структуры (ценности, цели, стремления) и мотивационные черты личности, при изучении которых духовность конкретизируется как особое содержательное измерение мотивации поведения. Наиболее яркими примерами такого подхода к научно-психологическому исследованию духовности являются концепция личных стремлений Р. Эммонса (Эммонс, 2004) и концепция духовной трансценденции как мотивационной черты личности Р. Пьедмонта (Piedmont, 2001).

В чем же заключается содержательное различие духовных и недуховных ценностей, стремлений, целей личности? Анализ современной отечественной и зарубежной литературы наводит на мысль, что ключевым признаком, по которому можно идентифицировать духовные побуждения личности, является их самоотрансцендентная направленность. С точки зрения Р. Пьедмонта, содержание духовности как мотивационной диспозиции определяется

«мотивами сопричастности к проблемам и задачам сообщества, членом которого является личность» (там же, р. 9). По мнению Р. Эммонса, духовная мотивация — это «стремления, ориентированные поверх и за пределы Я, отражающие интеграцию индивида с большими и более сложными целостностями (человечеством, природой, космосом) или направленные на углубление или упрочение отношений с высшей силой» (Эммонс, 2004, с. 196). Говоря о духовности, В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев имеют в виду склонность личности «руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной, общественной жизни, следовать идеалам истины, добра и красоты» (Слободчиков, Исаев, 1995, с. 334). Весьма удачно сущность духовности схватывает формула Д.А. Леонтьева, согласно которой она заключается «в выходе за пределы иерархии узколичных потребностей в пространство, где ориентирами для самоопределения служит широкий спектр общечеловеческих и трансцендентных духовных ценностей» (Леонтьев, 2005, с. 21). Обобщая приведенные мнения, можно заключить, что в рамках современной персонологии духовность трактуется как вершинное свойство или высший уровень в психологической организации личности, который находит свое выражение в самотрансцендентной направленности мотивации поведения, деятельности и целостной жизнедеятельности. Содержательным антиподом духовных побуждений и устремлений личности выступает мотивация с эгоцентрической направленностью.

Научно-психологический подход к исследованию духовности предполагает анализ смыслового содержания мотивационных структур, движущих личностью в повседневной жизни. Смысл жизни является стержневым образованием смысловой сферы личности и ведущей инстанцией мотивационной регуляции ее индивидуальной жизнедеятельности, ввиду чего его содержание представляет особый интерес для психологического анализа духовности. Чем же определяется содержание индивидуального смысла жизни? При ответе на данный вопрос следует учитывать, что смысл жизни — это отнюдь не односложное, унитарное, монолитное образование, а целая динамическая система разноуровневых смысловых структур, организованная по принципам гетерархии (координации) и иерархии (субординации). Системное строение смысла жизни обусловлено сложностью тех регуляторных функций, которые он призван выполнять в реальной жизнедеятельности личности. Смысл жизни одновременно обеспечивает как стратегическую, так и ситуативную смысловую регуляцию, в связи с чем в его составе совмещаются «жесткие» и «гибкие» функциональные структуры. Стратегическая регуляция осуществляется устойчивыми и обобщенными личностными ценностями, которые питают жизнедеятельность личности долговременными, трансситуативными побуждениями, стабильно освещают ее определенным смыслом и придают ей сквозную интенциональную направленность. Ситуативная регуляция осуществляется конкретными и подвижными

смысловыми структурами — мотивами, смысловыми установками, личностными смыслами и т.д., которые производны от личностных ценностей и как бы опредмечивают, преломляют их на частные жизненные ситуации и отдельные виды деятельности. Благодаря функциональному сочетанию смысловых структур высокого и низкого регуляторного уровня, смысл жизни помогает личности провести через множество ситуаций и деятельностей единую, преемственную смысловую линию, соединить эти разрозненные ситуации и деятельности во внутренне цельный, последовательный жизненный путь. Если исходить из функционального назначения смысла жизни как многокомпонентной и многоуровневой регуляторной системы, становится очевидным, что его системообразующими, ядерными компонентами являются наиболее устойчивые, обобщенные и личностно значимые ценности. Их вклад в содержание индивидуального смысла жизни и в поддержание его структурно-функциональной целостности настолько велик, что зачастую понятия «личностная ценность» и «смысл жизни» сводятся одно к другому. Б.С. Братусь, к примеру, определяет личностные ценности человека как «наиболее общие, генерализованные смыслы его жизни» (Братусь, 1988, с. 105), а В.Э. Чудновский квалифицирует смысл жизни как «идею, присвоенную человеком и ставшую для него ценностью чрезвычайно высокого порядка» (Чудновский, 2006, с. 193). Не случайно и в зарубежной литературе по смысложизненной проблематике ценности часто обозначаются термином «источники

смысла жизни» («sources of meaning in life»). Тем самым подразумевается, что именно в них личность черпает смысловое содержание, которым заполняет пространство и время своей жизни.

Таким образом, следуя сложившейся в психологии личности исследовательской традиции, под духовностью смысла жизни мы будем понимать индивидуально-психологический параметр, который целостно отражает содержание мотивации индивидуальной жизнедеятельности и определяется удельным весом ценностей с самотрансцендентной направленностью в общей совокупности смысложизненных ценностей конкретной личности. Духовным может быть назван такой смысл жизни, в содержании которого они преобладают над остальными ценностями, а бездуховным — тот смысл жизни, в котором эти ценности не представлены вообще либо уступают по весу эгоцентрическим ценностям.

Существуют концепции, подвергающие специальному обсуждению психологические последствия принятия и реализации личностью эгоцентрических и самотрансцендентных смыслов жизни. Впервые этот вопрос был намечен в теории А. Адлера, а дальнейшую проработку он получил в концепции уровней организации смысловой сферы личности Б.С. Братуся и в концепции глубины смысла жизни Г. Рикера и П. Вонга.

В адлерианской теории смысл жизни трактуется как личностное новообразование детского возраста, которое складывается на бессознательном уровне уже к 4–5 годам. Пронизывая поведенческие акты, психические процессы и черты

характера, он связывает их в целостный паттерн — стиль жизни — и тем самым выступает интегративной основой личности. А. Адлер большое внимание уделял содержанию смысла жизни и обоснованию критериев, по которым можно распознать правильные и ошибочные смыслы жизни. В теории и практике индивидуальной психологии смысл жизни конкретного индивида оценивается по выраженности двух разнонаправленных мотивационных тенденций — стремления к превосходству и социального интереса. Истинными и конструктивными А. Адлер признавал те смыслы жизни, которые базируются на социальном интересе и мотивируют индивида к сплочению и сотрудничеству с другими людьми ради всеобщего блага. Отличительной особенностью всех ложных и дефектных смыслов жизни он считал то, что они основываются на стремлении к превосходству и побуждают индивида к отделению от окружающих и возвеличиванию самого себя вопреки интересам группы, общества и человечества (Adler, 1986). В контексте настоящего исследования важно отметить еще три момента. Во-первых, в противопоставлении мотивационных тенденций, движущих индивидуальной жизнью и определяющих содержание ее смысла для индивида, угадывается оппозиция эгоцентрических и самотрансцендентных ценностей. Во-вторых, причины личностных кризисов, невротических расстройств, поведенческих нарушений и общей жизненной непродуктивности А. Адлер усматривал в недоразвитии социального интереса и неправильно избранном индивидом смысле жизни.

Частное подтверждение этой общей идеи было обнаружено нами в исследовании смысловой регуляции жизненного пути девиантной личности. Исследование показало, что испытуемые с делинквентным и аддиктивным поведением значительно отличаются от испытуемых с социально-нормативным поведением по содержательному репертуару источников смысла жизни: девианты видят смысл жизни скорее в удовлетворении собственных потребностей, нежели в следовании ценностям, которые имеют позитивную общественную значимость (Карпинский, 2002). В-третьих, современные теоретико-эмпирические исследования выявляют тесную взаимосвязь между индивидуальной выраженностью социального интереса и духовностью личности, понимаемой как в узком (религиозность) (Leak, 1992), так и в широком (самотрансценденция) смысле (Leak, 2006; Mosak, Dreikurs, 2000).

По мнению Б.С. Братуся, содержание личностных ценностей, равно как и других структурных составляющих смысловой сферы личности, должно анализироваться в нравственно-этической плоскости. В зависимости от степени удаления-приближения к общечеловеческому нравственному идеалу различаются три уровня смысловой сферы личности: эгоцентрический, группоцентрический и просоциальный. Ценности эгоцентрического уровня «вращаются» вокруг личной выгоды, престижа, удобства одного человека, а другие люди в этом свете рассматриваются в качестве средств, помогающих или мешающих эгоистическому самоутверждению. Группоцентрические ценности побуждают

личность приносить пользу и укреплять благосостояние той социальной группы, с которой она себя привычно идентифицирует; смысловое отношение к другим людям при этом продиктовано их принадлежностью к этой замкнутой группе. Просоциальные (общечеловеческие, или собственно нравственные) ценности направляют личность на создание таких материальных и нематериальных благ, которые полезны обществу или всему человечеству. На этом уровне другие люди осмысливаются как самоценность без деления на «близких и дальних», «своих и чужих» (Братусь, 1988, с. 100–101). В дальнейшем концепция была дополнена высшим — «эсхатологическим» — уровнем, ценности которого ориентируют личность на служение высшим метафизическим «материям» (Бог, универсум и т.п.) (Братусь, 1999). Описанные уровни мыслятся как последовательные ступени личностного роста, что, тем не менее, не исключает возможности соприсутствия в смысловой сфере разноуровневых ценностей на том или ином этапе развития личности. В этой связи «смысловую сферу каждого человека можно рассматривать как арену противоборства между ее основными векторами, направленностями: с одной стороны, направленностью к коллективистскому, общему, всеобщему, а с другой стороны — к частному, ситуационному, прагматическому» (Братусь, 1988, с. 105)

Концепция Б.С. Братуся во многом перекликается с уровневым подходом к изучению содержания смысла жизни, предложенным канадскими исследователями Г. Рикером и П. Вонгом. Центральным понятием

данного подхода является «глубина смысла жизни» («depth of meaning in life»), под которой подразумевается степень трансцендентности смысла жизни по отношению к индивидуальным нуждам, проблемам и интересам личности. Выделены четыре уровня глубины смысла жизни: поверхностный уровень охватывает смыслы жизни, которые насыщены ценностями гедонизма и личного комфорта; на следующем уровне локализуются смыслы жизни, сосредоточенные на ценностях личностного роста (саморазвитии, самореализации, самоактуализации и т.д.); третий уровень объединяет смыслы жизни, построенные на служении групповым, общественным и общечеловеческим интересам; самый глубинный уровень представлен смыслами жизни, которые устремлены к предельным (космическим, божественным и т.п.) ценностям. По мнению авторов, чем больше содержание индивидуального смысла углублено в трансцендентных ценностях, тем сильнее личность должна ощущать осмысленность своей жизни (Reker, Wong, 1988, p. 226).

Во всех проанализированных концепциях параметр духовности конкретизируется применительно к содержанию смысла жизни в виде оппозиции эгоцентрических и самотрансцендентных ценностей. Самотрансцендентная (духовная) ориентация смысла жизни способствует адаптации, здоровью и высокой продуктивности в решении основных жизненных задач (А. Адлер), нормальному развитию личности, понимаемому как приобщение к родовой человеческой сущности (Б.С. Братусь), а также глубокому переживанию

осмысленности жизни (Г. Рикер, П. Вонг). Эгоцентрическая (бездуховная) ориентация смысла жизни, напротив, ведет к дезадаптации, невротическим кризисам и срывам, бессилию перед лицом главных жизненных задач (А. Адлер), становится фактором аномального личностного развития (Б.С. Братусь), а также пониженного уровня осмысленности жизни (Г. Рикер, П. Вонг). На этом основании бездуховный смысл жизни может быть охарактеризован как разновидность неоптимального смысла жизни, а духовный смысл жизни — как вид оптимального смысла жизни, являющего собой, по определению В.Э. Чудновского, «гармоническую структуру смысложизненных ориентаций, существенно обуславливающую высокую успешность в различных областях деятельности, максимальное раскрытие способностей и индивидуальности человека, его эмоциональный комфорт, проявляющийся в переживании полноты жизни и удовлетворенности ею» (Чудновский, 2006, с. 239).

Естественным образом возникает вопрос о том, какие конкретно ценности могут считаться эгоцентрическими и самоотрансцендентными. Синтезируя существующие представления, можно утверждать, что эгоцентрические ценности — это ценности, которые отражают узколичные интересы и направляют личность на решение проблем, значимых лишь в контексте индивидуальной жизни. В их содержании зафиксированы те объекты и явления действительности, которые выступают предметом индивидуальных потребностей. Они обуславливают предельную поглощенность и озабоченность

личности собственным благом, ради которого она готова пожертвовать или пренебречь интересами другого человека, группы людей, общества, человечества, а в пределе — целого мира. По данным исследователей, к полюсу эгоцентризма тяготеют следующие группы ценностей: дефицитарные, гедонистические, материалистические, статусные и др. Самоотрансцендентные ценности — это ценности, которые отражают надличностные интересы и ориентируют личность на решение проблем, значимых в масштабе существования социальной группы, общества, человечества или универсума в целом. В них запечатлены объекты и явления действительности, «опредмечивающие» коллективные, общественные и родовые потребности. Они дистанцируют личность от собственных потребностей, выводят ее сознание за пространственно-временные пределы индивидуальной жизни и устремляют ее активность на служение общему делу, во имя которого личность способна поступиться личными интересами. К полюсу самоотрансценденции притягиваются бытийные, религиозные, нравственные, гуманистические и другие группы ценностей. Вместе с тем разграничение эгоцентрических и самоотрансцендентных ценностей следует рассматривать скорее не как жесткую дихотомию, а как континуум, заполненный промежуточными, переходными типами ценностей. При движении от одного полюса к другому степень их эгоцентричности убывает, а мера самоотрансцендентности возрастает, и наоборот. Так, например, группоцентрические ценности, в которых «спрессованы» интересы

ближайшего к личности окружения, больше сдвинуты к полюсу эгоцентризма по сравнению с просоциальными ценностями, которые «сгущают» в своем содержании интересы всего социума и смещены к полюсу самотрансценденции.

Из массива эмпирических работ, опубликованных за несколько последних десятилетий по ценностной и смысложизненной тематике, можно вычленить две группы исследований, которые референтны обсуждаемой нами проблеме. Это исследования, которые раскрывают: во-первых, взаимосвязь общего уровня осмысленности жизни с принятием-отвержением личностью определенных ценностей; во-вторых, взаимосвязь принимаемых и реализуемых личностью ценностей с переживанием негативных состояний, которые с некоторыми оговорками можно признать родственными смысложизненному кризису.

В исследовании Г. Рикера доказана гипотеза о том, что полноценное переживание осмысленности достигается личностью тогда, когда содержание смысла жизни трансцендирует узколичностные потребности и интересы. Испытуемые, которые находят смысл жизни в гедонистических и персоналистических ценностях (низшие уровни в концепции глубины смысла жизни Г. Рикера и П. Вонга), значительно уступали по общему показателю осмысленности тем испытуемым, которые связывают смысл своей жизни с социальными и самотрансцендентными ценностями (высшие уровни в концепции глубины смысла жизни Г. Рикера и П. Вонга) (Reker, 2000). Частичным подтверждением этой

общей закономерности, обнаруженным в многочисленных исследованиях на самых разнообразных выборках, является положительная корреляция между вовлеченностью в религиозные ценности и полнотой переживания личностью осмысленности собственной жизни (Chamberlain, Zika, 1988; Crandall, Rasmussen, 1975; Dufton, Perlman, 1986; Gerwood, LeBlanc, 1998; Morgan, Farsides, 2009). Группой исследователей во главе с Н. Маскаро предложено понятие «духовный смысл жизни» и сконструирована оригинальная методика его психологической диагностики. Духовным считается такой смысл, в основе которого лежит вера личности в некую высшую силу (Бог, космос, дао и т.д.), руководящую индивидуальную жизнь и определяющую ее предназначение. Духовный смысл всегда самотрансцендентен, поскольку те ценности и цели, с которыми он увязан в сознании личности, выводятся не из индивидуальных потребностей, а из воли и замысла высшей силы. Эмпирическое исследование с использованием новой методики показало, что духовность смысла положительно коррелирует с общим уровнем осмысленности жизни. Чем сильнее личность верит, что ценности и цели ее жизни предуготованы для нее какой-то сверхчеловеческой инстанцией, тем сильнее она ощущает насыщенность, оправданность и полноту своего существования (Mascaro, Rosen, Morey, 2004).

Упомянутые исследования демонстрируют, что ценности с разным содержанием далеко не равносильны по своему смыслообразующему потенциалу. Не каждая ценность, принятая

личностью в качестве источника смысла жизни, может обеспечить достаточный уровень осмысленности жизни. Из всего спектра человеческих ценностей самотрансцендентные, в том числе религиозные ценности, в наибольшей мере способствуют позитивному, стойкому и глубоко ощущению смысла жизни.

В рамках обсуждаемой проблемы большой интерес представляют исследования, высвечивающие взаимосвязь кризисоподобных состояний в развитии личности с содержанием значимых для нее ценностей. В исследованиях польского психолога П. Олеша описано негативное состояние личностного развития, обозначаемое термином «ценностный кризис». Интегральным проявлением данного состояния является ценностная дезориентация личности, а в качестве его парциальных признаков выступают: деиерархизация и значительная переоценка системы индивидуальных ценностей; дезинтеграция когнитивных, аффективных и мотивационных процессов, опосредующих оценивание личностью самой себя и окружающего мира; дефицит ценностной регуляции поведения и процессов принятия решений; чувство нереализованности индивидуальных ценностей. Выявлена обратная связь между выраженностью ценностного кризиса и уровнем осмысленности жизни, измеренным при помощи адаптированной версии PIL (Purpose in Life Test) (Oles, 1989, s. 143), что дает нам основания проводить параллели между ценностным и смысложизненным кризисом в развитии личности. Особое внимание привлекает специфика ценностных предпочтений лю-

дей в кризисном и бескризисном состоянии. По итогам сравнительного анализа П. Олеша заключает, что испытуемые, находящиеся в кризисе, придают существенно меньшее значение таким ценностям, как «нравственность», «любовь», «духовное развитие», «вера в Бога», «самовоспитание», «патриотизм», «помощь другим людям» и «семья», но гораздо больше дорожат «личным комфортом» и «везением» в жизни (там же, s. 142). Легко заметить, что испытуемых кризисной и бескризисной групп лучше всего дифференцирует глубина принятия именно духовных (религиозных и моральных) ценностей.

Еще одним референтным для нас исследованием является работа К. Попельского, в которой дефицитарное состояние личностного развития, связанное с отсутствием смысла в жизни, обозначается термином «кризис ноодинамики». Исследователь сопоставил коннотативные значения, которые испытуемые кризисной и бескризисной групп приписывают различным ценностям. Оказалось, что испытуемые, имеющие высокий уровень осмысленности жизни, вкладывают в выбираемые ими ценности более одухотворенное смысловое содержание. Например, ценность «любовь» они ассоциируют, прежде всего, с духовной близостью, верностью и заботой о другом человеке, в то время как испытуемые, терпящие ноодинамический кризис, склонны видеть в «любви» более примитивные прагматические и физиологические аспекты. Автор приходит к выводу, что при всем сходстве ценностных выборов и иерархий на денотативном уровне между

людьми в кризисном и нормальном состоянии наблюдаются существенные различия в толковании смыслового содержания ценностей (Popielski, 1994, s. 293).

Таким образом, обзор предшествующих эмпирических исследований свидетельствует о том, что выбор определенных ценностей в качестве источников смысла жизни существенно обуславливает общий уровень осмысленности жизни и личностную уязвимость по отношению к кризисам. Духовный смысл жизни, построенный на самотрансцендентных ценностях, наиболее оптимален в функциональном аспекте, в то время как бездуховный смысл жизни, проистекающий из эгоцентрических ценностей, отклоняется от функционального оптимума и не способен надлежащим образом исполнять свои регулирующие функции по отношению к процессу развития личности и ее жизнедеятельности.

Гипотезы

На основе теоретических представлений и с учетом результатов предшествующих эмпирических исследований были сформулированы гипотезы нашего эмпирического исследования. Самая общая гипотеза состоит в предположении о том, что *ценностное содержание индивидуального смысла жизни определяет predisposition личности к переживанию смыслового кризиса*. Она распадается на ряд частных гипотез:

1. *Ценностная оппозиция «эгоцентризм – самотрансценденция» («бездуховное – духовное») является одним из критериев содержательной*

дифференциации источников смысла жизни.

2. *Интенсивность переживания личностью смыслового кризиса возрастает по мере принятия в качестве источников смысла жизни эгоцентрических (бездуховных) ценностей.*

3. *Интенсивность переживания личностью смыслового кризиса снижается по мере принятия в качестве источников смысла жизни самотрансцендентных (духовных) ценностей.*

При условии подтверждения этих предположений мы сможем констатировать, что *бездуховный смысл жизни, будучи разновидностью неоптимального смысла жизни, обуславливает переживание личностью смыслового кризиса.*

Эмпирическое исследование

Проведенное эмпирическое исследование соответствовало корреляционному дизайну и охватило гетерогенную по социально-демографическим критериям выборку общей численностью 330 человек в возрасте от 18 до 57 лет, в том числе 138 мужчин и 192 женщины.

Методы

Сбор эмпирического материала производился с помощью следующих методов:

1. Опросник смыслового кризиса – стандартизированный личностный самоотчет, предназначенный для диагностики индивидуального уровня выраженности негативных переживаний испытуемого, которые обусловлены противоречиями в поиске

и практической реализации смысла жизни. В отношении выборочного контингента настоящего исследования опросник продемонстрировал приемлемую надежность измерений (α -Кронбаха = 0.91, $r_{\text{Спирмена-Брауна}} = 0.88$, $r_{\text{Гутмана}} = 0.87$), что позволяет рассматривать результаты тестирования как достоверные. Следует особо подчеркнуть, что понятие «смысловой кризис» данная методика операционализирует в виде континуальной, а не дихотомической переменной. Это означает, что балл, набранный конкретным испытуемым, интерпретируется не как индикатор наличия или отсутствия кризиса, а как мера интенсивности, глубины, генерализации и частоты возникновения специфических субъективных переживаний, вызванных объективными затруднениями с определением и осуществлением смысла в жизни. При этом предполагается, что данные затруднения и сигнализирующие о них переживания носят естественный характер, т.е. их с определенного возраста в большей или меньшей степени испытывает каждый нормально развивающийся человек. Низкий балл по опроснику свидетельствует о том, что испытуемый редко сталкивается с трудностями и противоречиями в осмыслении собственной жизни, но в то же время не должен трактоваться как показатель высокого уровня осмысленности жизни. Высокий балл указывает, что смысловые противоречия приобретают неестественную остроту, застойность, глубину и травматичность, характерную именно для критического состояния (Карпинский, 2008).

2. Источники смысла жизни — методика, направленная на диагнос-

тику содержательных и структурно-функциональных параметров (широты, иерархизации, устойчивости и т.д.) смысла жизни. В настоящем исследовании она применялась в следующей модификации: в качестве стимульного материала испытуемому предъявлялся репрезентативный перечень из 46 ценностных категорий с расшифровкой смыслового содержания каждой из них. Например, «богатство» — «материально обеспеченная жизнь, финансовая независимость от других людей, возможность приобретать необходимые вещи». Инструкция требовала оценить, в какой степени испытуемый принимает или отвергает каждую из предложенных ценностей в качестве источника смысла своей жизни. При этом использовалась семиразрядная шкала ответов от «-3 — категорически отвергаю» до «+3 — полностью принимаю». В нашем исследовании данная методика имеет преимущество перед стандартными инвентарями терминальных ценностей. Оно заключается не столько в количестве ценностных категорий, сколько в том, что на этапе разработки методики эти категории извлекались из обыденного сознания испытуемых именно в качестве «источников смысла в жизни», а семантизация каждой категории осуществлялась на основе реконструкции коннотативных значений, свойственных ментальности социальных групп, к которым принадлежат участники настоящего исследования.

Результаты факторного анализа

С целью проверки первой частной гипотезы был проведен эксплора-

торный факторный анализ по методу главных компонент с последующим косоугольным вращением, в качестве исходных переменных для которого послужили оценки субъективного принятия испытуемыми 46 источников смысла жизни. При помощи процедур конфирматорного анализа, использующего метод обобщенных наименьших квадратов и исходящего из предположения о взаимной коррелированности факторов, оптимальным было признано шестифакторное решение ($\chi^2 = 1639.82$, $df = 941$, $\chi^2/df = 1.74$; $GFI = 0.978$; $RMSEA = 0.0475$), которое в совокупности объясняет 46.06% дисперсии исходных переменных. При критическом значении факторного веса 0.40 оно интегрирует 45 из 46 анализируемых источников смысла жизни (за исключением «здоровья»); в нем лишь один источник смысла жизни («любовь») одновременно нагружает два фактора. Результаты факторного анализа представлены в таблице 1.

Факторный анализ привел к выделению шести устойчивых и обобщенных смысложизненных ориентаций, каждая из которых охватывает родственные по содержанию и комплементарные в аспекте практической реализации источники смысла жизни. Поскольку в дальнейшем факторы планировалось рассматривать как самостоятельные диагностические показатели, для каждого из них определялся коэффициент внутренней consistency (надежности) α -Кронбаха. Далее для всех испытуемых были подсчитаны показатели выраженности каждой смысложизненной ориентации. Формулы расчета составлялись с учетом факторных весов, с которыми источ-

ники смысла жизни включаются в соответствующие ориентации, и индивидуальными оценками принятия, которые были присвоены источникам смысла жизни испытуемыми.

Первый фактор (20.88%; $\alpha = 0.87$) вобрал 15 источников смысла жизни, которые в литературе классифицируются как бытийные ценности («справедливость», «мир», «правда»), нравственные ценности («моральность», «религиозность», «аскетизм», «духовность»), широкие социальные ценности («патриотизм», «долг», «общественная активность»), гуманистические ценности («гуманизм», «альтруизм»). Объединяющим началом всех перечисленных ценностей выступает трансцендентное по отношению к индивидуальным потребностям содержание. В этой связи фактор был назван *Самотрансцендентная ориентация смысла жизни*.

Второй фактор (9.66%; $\alpha = 0.80$) сгруппировал 9 источников смысла жизни, в числе которых статусные («признание», «социальный статус», «власть», «карьера»), материалистические («богатство»), виталистические («выживание») и гедонические («гедонизм», «развлечения», «секс») ценности. Этот фактор может быть обозначен *Эгоцентрическая ориентация смысла жизни*, поскольку указанные ценности сфокусированы на индивидуальных потребностях и узколичных интересах.

Третий фактор (4.65%; $\alpha = 0.73$) презентует типичный набор семейных ценностей — «дети», «семья» и «любовь», ввиду чего он был назван *Семейная ориентация смысла жизни*. Ценности, включенные в данную смысложизненную ориентацию,

Таблица 1

Результаты корреляционного и факторного анализа

Источники смысла жизни	Факторы и факторные нагрузки ≥ 0.40						Корреляция с СЖК
	I-СТ	II-ЭГО	III-СЕМ	IV-КОМ	V-ЭСТ	VI-СУБ	
Справедливость	0.67						-0.15*
Мир	0.63						-0.13*
Патриотизм	0.62						-0.05
Долг	0.60						-0.09 ^ψ
Гуманизм	0.58						-0.22*
Правда	0.56						-0.20*
Судьба	0.55						-0.10 ^ψ
Моральность	0.53						-0.25*
Религиозность	0.51						-0.30*
Альтруизм	0.51						-0.21*
Персонализация	0.50						-0.14*
Аскетизм	0.49						-0.09 ^ψ
Образование	0.47						-0.11*
Духовность	0.46						-0.29*
Общественная активность	0.45						-0.11*
Признание		0.69					0.13*
Социальный статус		0.67					0.15*
Власть		0.65					0.20*
Выживание		0.64					0.07
Гедонизм		0.61					0.21*
Развлечения		0.53					0.21*
Богатство		0.50					0.16*
Секс		0.44					0.11*
Карьера		0.42					0.03
Дети			0.76				-0.21*
Семья			0.76				-0.19*
Любовь			0.45	0.51			-0.05
Счастье				0.68			-0.05
Свобода				0.52			-0.01
Дружба				0.52			-0.12*
Общение				0.42			-0.07
Хобби					0.65		-0.14*
Искусство					0.64		-0.02
Красота					0.54		-0.11*
Творчество					0.52		-0.24*
Природа					0.45		-0.09 ^ψ

Таблица 1 (продолжение)

Источники смысла жизни	Факторы и факторные нагрузки ≥ 0.40						Корреляция с СЖК
	I-СТ	II-ЭГО	III-СЕМ	IV-КОМ	V-ЭСТ	VI-СУБ	
Самореализация						0.58	-0.10*
Компетентность						0.55	-0.12*
Контроль						0.55	-0.05
Познание						0.54	-0.13*
Самоуважение						0.53	0.05
Индивидуальность						0.48	-0.01
Саморазвитие						0.48	-0.12*
Процесс жизни						0.46	-0.13*
Безопасность						0.41	-0.03
Здоровье							-0.15*
Собственное значение фактора	5.83	3.96	2.26	2.69	2.83	3.59	
Доля дисперсии (%)	20.88	9.66	4.65	4.23	3.5	3.09	
α -Кронбаха	0.87	0.80	0.73	0.64	0.76	0.79	
Корреляция с СЖК	-0.25*	0.18*	-0.18*	-0.08	-0.25*	-0.11*	
Интеркорреляции смысложизненных ориентаций							
Эгоцентрическая ориентация	0.07						
Семейная ориентация	0.54*	0.16*					
Коммуникативная ориентация	0.40*	0.36*	0.49*				
Эстетическая ориентация	0.67*	0.06	0.25*	0.37*			
Субъектная ориентация	0.39*	0.38*	0.30*	0.54*	0.57*		

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p \leq 0.05$; ψ – корреляция значима на уровне $p \leq 0.10$. Здесь и далее используются обозначения факторов: СТ – *Самотрансцендентная ориентация смысла жизни*, ЭГО – *Эгоцентрическая ориентация смысла жизни*, СЕМ – *Семейная ориентация смысла жизни*, КОМ – *Коммуникативная ориентация смысла жизни*, ЭСТ – *Эстетическая ориентация смысла жизни*, СУБ – *Субъектная ориентация смысла жизни*; СЖК – опросник смысложизненного кризиса.

сближает направленность на потребности и интересы ближайшего к личности социального окружения.

Четвертый фактор (4.23%; $\alpha = 0.64$) насчитывает 5 источников смысла жизни, среди которых преобладают коммуникативно-аффилиативные ценности («счастье», «любовь», «свобода», «дружба», «общение»). Они отражают стремление к самоутверждению, выгоде и комфорту в

межличностных отношениях, с учетом чего фактор интерпретируется как *Коммуникативная ориентация смысла жизни*.

Пятый фактор (3.5%; $\alpha = 0.76$) скомпонован из 5 источников смысла жизни, в содержании которых четко просматривается самотрансцендентная направленность («хобби», «искусство», «красота», «творчество», «природа»). В отличие от

действенно-преобразующих ценностей первого фактора эти источники смысла жизни специфицирует эстетико-созерцательный уклон и тесная связь со сферой досуга и рекреации в жизнедеятельности личности. С учетом коннотативного содержания ценностей, образовавших данный фактор, он был назван *Эстетическая ориентация смысла жизни*.

В шестом факторе (3.09%; $\alpha = 0.79$) сцеплены 9 источников смысла жизни, которые можно истолковать как субъектные ценности («самореализация», «компетентность», «контроль», «познание», «самоуважение», «индивидуальность», «саморазвитие», «процесс жизни», «безопасность»). Все они отражают стремление к личностному росту и совершенствованию, полноценному функционированию, раскрытию и продуктивному воплощению внутреннего потенциала. Эта группа ценностей отвечает специфически человеческим потребностям, выделенным в гуманистических теориях личности: в самоактуализации, в самоуважении, в автономии, в индивидуализации и т.д. Ценностное содержание данного фактора удачно передает название *Субъектная ориентация смысла жизни*.

Результаты многомерного шкалирования

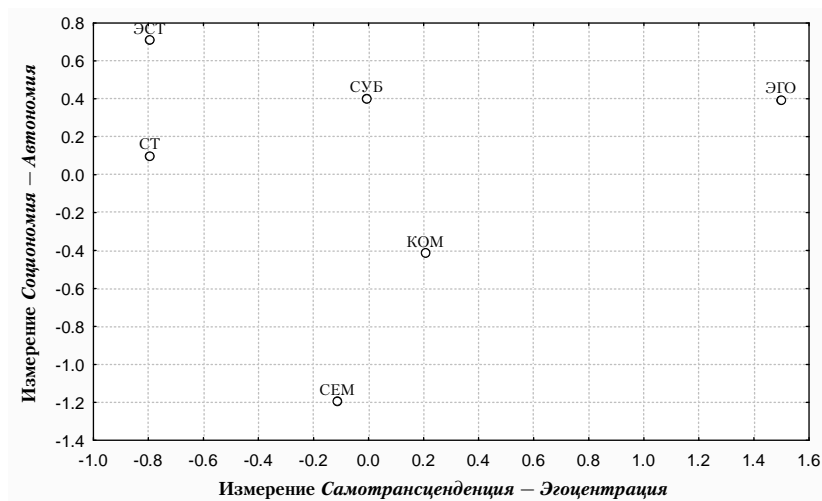
В факторной структуре наиболее мощными, весомыми и емкими оказались первые два фактора, репрезентирующие эгоцентрическую и самотрансцендентную ориентацию смысла жизни. На этом основании можно предположить, что именно эти факторы задают полюса своеобразного психологического конти-

нуума или пространства, в котором промежуточное положение занимают остальные смысложизненные ориентации. В целях реконструкции измерений-шкал данного континуума и локализации в нем различных смысложизненных ориентаций была проведена процедура многомерного шкалирования по алгоритму ALSCAL. В качестве исходных данных вводилась матрица интеркорреляций шести смысложизненных ориентаций. При помощи процедуры шкалирования последовательно анализировались одномерное и двумерное решения. Одномерное решение с недостаточной полнотой воспроизводит содержательные различия между смысложизненными ориентациями: оно не объясняет достаточно большую часть дисперсии исходных переменных ($RSQ = 0.80$) и характеризуется неудовлетворительным для нашего объема выборки значением статистики стресса (Kruskal's stress = 0.23). Двумерное решение объемнее моделирует реальные различия смысложизненных ориентаций испытуемых, о чем свидетельствуют улучшенные показатели качества подгонки модели ($RSQ = 0.99951$, Kruskal's stress = 0.000004). Итоговая конфигурация смысложизненных ориентаций испытуемых отображена на рисунке.

Как показано на рисунке, пространство содержательных различий смысложизненных ценностей задано двумя шкалами-координатами, названными *Социономия — Автономия* и *Самотрансценденция — Эгоцентриция*. На полюсе *Автономия* первой шкалы расположились эстетическая, субъектная, эгоцентрическая и самотрансцендентная ориентации, а на

Рисунок

Результаты многомерного шкалирования

полюсе *Социономия* — семейная и коммуникативная ориентации смысла жизни. Данное измерение дифференцирует смысложизненные ценности с точки зрения логики их практической реализации. Для успешного осуществления ценностей, сгруппированных на полюсе *Социономия*, от личности требуется организация эффективного взаимодействия с социальным окружением, в особенности с людьми из круга ближайшего общения. Продуктивная реализация ценности «дети» объективно предполагает наличие детей, ценности «семья» — супруга и родственников, ценности «любовь» — возлюбленных, ценности «дружба» — друзей, и даже ценность «свобода», инкорпорированная в структуру коммуникативной ориентации смысла жизни, имплицитно подразумевает наличие других людей, в отношениях с которыми эту свободу нужно

утверждать и отстаивать. Запечатлеваясь в содержании ценностей в качестве значимых других, эти люди уже самим присутствием в жизни создают неотъемлемые условия для самореализации личности. Разрывы отношений или невосполнимые потери этих людей чаще всего «парализуют» индивидуальную жизнедеятельность и объективно выступают для личности как утрата смысла жизни. В этом плане личность абсолютно зависима от этих людей и остро в них нуждается не только как в «объектах» своих смысложизненных стремлений, но и как в со-субъектах (партнерах, соучастниках, а иногда просто свидетелях) индивидуального жизненного пути. На полюсе *Автономия* сконцентрированы смысложизненные ценности, которые личность способна успешно реализовать и без вовлечения других людей в свою индивидуальную жизнедеятельность.

Более того, осуществление некоторых ценностей, принадлежащих к данному полюсу, является интимно-личностным, приватным процессом, не терпящим не то что активного вмешательства, но даже пассивного присутствия другого человека. В этом плане личность выступает не только как автономный субъект самореализации, но и как «суверен» собственных смысложизненных ценностей. Это значит, что она не нуждается, во-первых, во внешней поддержке и одобрении своих ценностей, а во-вторых, в санкционировании и оправдании со стороны окружающих собственных действий, направленных на их реализацию. Исследования психологической суверенности показали, что суверенность ценностей – это личностная особенность, тесно связанная с переживанием осмысленности жизни (Нартова-Бочавер, 2007).

Таким образом, шкала *Соционмия – Автономия* дифференцирует смысложизненные ценности личности в зависимости от того, насколько другие люди выступают в качестве значимых условий их практической реализации.

Измерение *Самотрансценденция – Эгоцентриция* дифференцирует смысложизненные ценности личности в зависимости от их содержательного соответствия индивидуальным, групповым и общечеловеческим потребностям. На левом полюсе размещены самотрансцендентная и эстетическая ориентации смысла жизни, которые имеют практически одинаковые координаты по данной оси. На противоположном полюсе локализуется эгоцентрическая ориентация смысла жизни, а оставшиеся смысложизнен-

ные ориентации распределяются между этими крайними полюсами. Семейная ориентация больше тяготеет к полюсу *Самотрансценденции*, коммуникативная ориентация смещена к полюсу *Эгоцентриции*, а субъектная ориентация занимает срединное положение между полюсами. Полученная конфигурация служит эмпирическим подтверждением концепций Б.С. Братуся и канадских психологов Г. Рикера и П. Вонга, в которых выделены прогрессивно углубляющиеся уровни ценностного содержания смысла жизни. В нашем случае эгоцентрическая и коммуникативная ориентации совпадают с начальным, поверхностным уровнем смысла жизни в концепции Г. Рикера и П. Вонга и с эгоцентрическим уровнем организации смысловой сферы личности в концепции Б.С. Братуся. Согласно теоретическим представлениям, этот уровень составляют ценности гедонизма, выгоды, комфорта, престижа и личного счастья, что полностью соответствует содержанию факторов, обозначенных нами как эгоцентрическая и коммуникативная ориентация смысла жизни (см. таблицу 1). В частности, в содержании фактора *Коммуникативная ориентация* по весу довлеет эгоцентрическая ценность «счастье» (0.68), а остальные ценности – «любовь» (0.51), «дружба» (0.52), «общение» (0.42) и «свобода» (0.52) – вторичны и инструментальны по отношению к ней, т.е. подчинены ее достижению. Этим, вероятно, и предопределено место коммуникативной ориентации смысла жизни в сегменте *Эгоцентриция* на диаграмме. Выделенная нами субъектная ориентация смысла жизни характеризуется индивиду-

листической направленностью и объединяет централизованные на самой личности ценности (некоторые из них в названии имеют характерную приставку «само» – «самоуважение», «саморазвитие», «само-реализация»). В концепции Б.С. Братуся данная смысло-жизненная ориентация, как и две предыдущие, отходит к эгоцентрическому уровню организации смысловой сферы. Еще лучше она вписывается в концепцию Г. Рикера и П. Вонга, где после эгоцентрического, базового уровня выделяется дополнительный уровень глубины смысла жизни, связанный с озабоченностью личностью собственным ростом, актуализацией и воплощением внутреннего потенциала. Содержание семейной ориентации смысла жизни самым очевидным образом корреспондирует с группоцентрическим уровнем в концепции

Б.С. Братуся и социальным уровнем в концепции Г. Рикера и П. Вонга. Наконец, самотрансцендентная и эстетическая ориентации, представляющие собой две разновидности (преобразующую и созерцательную) духовно ориентированного смысла жизни, укладываются в содержание просоциального и эсхатологического уровней в концепции Б.С. Братуся или социального и космического уровней в концепции Г. Рикера и П. Вонга. Наложение эмпирической конфигурации смысло-жизненных ориентаций личности на теоретические концепции, описывающие уровни духовности смысла жизни, иллюстрирует таблица 2.

Таким образом, результаты многомерного шкалирования подтверждают гипотезу о том, что *оппозиция Эгоцентризм – Самотрансценденция (Бездуховное – Духовное) выступает*

Таблица 2

Соответствие эмпирической конфигурации смысло-жизненных ориентаций уровням глубины смысла жизни (по Г. Рикеру и П. Вонгу) и уровням организации смысловой сферы личности (по Б.С. Братусю)

Эмпирическая конфигурация смысло-жизненных ориентаций	Концепция уровней глубины смысла жизни Г. Рикера и П. Вонга (1988)	Концепция уровней организации смысловой сферы личности Б.С. Братуся (1988)
Эгоцентрическая ориентация	Начальный уровень	Эгоцентрический уровень
Коммуникативная ориентация		
Субъектная ориентация	Уровень личностного роста и самоактуализации	
Семейная ориентация	Социальный уровень	Группоцентрический уровень
Эстетическая ориентация	Социальный и космический уровни	Просоциальный и эсхатологический уровни
Самотрансцендентная ориентация		

одним из значимых критериев содержательной дифференциации ценностей-источников смысла жизни. Это значит, что духовность является важным содержательным параметром смысловой регуляции индивидуальной жизнедеятельности, по которому прослеживаются существенные межличностные различия. Экстрагированные при помощи факторного анализа смысловые ориентации значимо различаются между собой именно по степени одухотворенности, т.е. по представленности в них самотрансцендентных духовных ценностей. По данному психологическому параметру они могут быть классифицированы на духовные (самотрансцендентная и эстетическая), бездуховные (эгоцентрическая, коммуникативная) и переходные (субъектная, семейная).

Результаты корреляционного анализа

Опираясь на данную теоретически и эмпирически обоснованную классификацию, мы можем подвергнуть проверке основную гипотезу исследования, согласно которой *бездуховный смысл жизни, будучи разнообразно неоптимального смысла жизни, обуславливает переживание личностью смысловых кризисов*. С этой целью был проведен корреляционный анализ взаимосвязей смысловых ориентаций с интегральным показателем опросника смысловых кризисов (см. таблицу 1). В первую очередь, следует заострить внимание на том, что приемлемость для личности духовных ориентаций смысла жизни, к которым относятся самотрансцен-

дентная и эстетическая, отрицательно коррелирует с выраженностью кризисной симптоматики ($R = -0.25, p = 0.000004$ для обеих ориентаций). Устойчивое предпочтение ценностей, которые интегрированы в данных ориентациях, «прививает» личности антикризисный «иммунитет», обеспечивает высокий уровень резистентности по отношению к смысловому кризису. Это особенно справедливо в отношении таких смыслообразующих ценностей, как «религиозность» ($R = -0.30, p = 0.000$), «духовность» ($R = -0.29, p = 0.000$), «моральность» ($R = -0.25, p = 0.000004$), «творчество» ($R = -0.24, p = 0.00001$), «гуманизм» ($R = -0.22, p = 0.000056$), «альтруизм» ($R = -0.21, p = 0.000121$).

Смысловые ориентации, занимающие переходное положение между полюсами континуума духовности, обнаруживают более или менее выраженную обратную зависимость от глубины кризисного состояния. Семейная ориентация смысла жизни ($R = -0.18, p = 0.001$) сильнее тяготеет к полюсу самотрансценденции по сравнению с субъектной ориентацией ($R = -0.11, p = 0.045$) и является более благоприятной с точки зрения предотвращения смысловых кризисов в развитии личности.

Положительная корреляция наблюдается между интенсивностью кризисного состояния и приверженностью бездуховной эгоцентрической ориентации смысла жизни ($R = 0.18, p = 0.001$). Наиболее ощутимый кризисогенный эффект дают следующие смысловые ценности с эгоцентрической направленностью: «гедонизм» ($R = 0.21, p = 0.000121$), «развлечения» ($R = 0.21,$

$p = 0.000121$), «власть» ($R = 0.20$, $p = 0.000256$), «богатство» ($R = 0.16$, $p = 0.0035$), «социальный статус» ($R = 0.15$, $p = 0.006$), «признание» ($R = 0.13$, $p = 0.018$). Коммуникативная ориентация, которая по результатам факторного анализа и многомерного шкалирования была расценена как вариант бездуховного смысла жизни, не обнаруживает статистически значимой связи с выраженностью кризисной симптоматики ($R = -0.08$, $p = 0.14$). Образующие ее ценности непосредственно не нагнетают психологический риск наступления кризиса и поэтому не должны рассматриваться как неоптимальные источники смысла жизни. Вместе с тем эти ценности нельзя считать функционально полноценными, поскольку их смыслообразующая функция явно ослаблена: они не снабжают личность прочным, глубоким ощущением осмысленности жизни, действующим наподобие буферного механизма в отношении кризиса. «Дружба» является единственным источником смысла жизни, который в составе коммуникативной ориентации производит слабый антикризисный эффект ($R = -0.12$, $p = 0.029$).

Таким образом, по результатам корреляционного анализа установлена следующая закономерность: чем сильнее смысложизненная ориентация сдвинута от полюса самотрансценденции к полюсу эгоцентриции, тем выше величина коэффициента ее корреляции с выраженностью смысложизненного кризиса. Данную закономерность наглядно демонстрирует следующий ряд: СТ ($R = -0.25$) и ЭСТ ($R = -0.25$) → СЕМ ($R = -0.18$) → СУБ ($R = -0.11$) → КОМ ($R = -0.08$) → ЭГО ($R = 0.18$).

На теоретическом уровне данная закономерность может быть оформлена в виде закона «градиента духовности»: чем больший удельный вес в содержании смысла индивидуальной жизни занимают духовные самотрансцендентные ценности, тем ниже вероятность наступления и острота течения смысложизненного кризиса в развитии личности. Верно и обратное: с увеличением в содержании смысла индивидуальной жизни удельного веса эгоцентрических бездуховных ценностей возрастают риск возникновения и сила протекающего смысложизненного кризиса в развитии личности.

Результаты регрессионного анализа

На заключительном этапе обработки эмпирических данных был проведен множественный регрессионный анализ, нацеленный на выявление тех содержательных ориентаций смысла жизни, которые с наибольшей силой детерминируют переживание личностью смысложизненного кризиса. Набор независимых переменных (предикторов, или детерминант) был представлен шестью различными по своему ценностному содержанию смысложизненными ориентациями, а в качестве зависимой переменной фигурировала интенсивность переживания смысложизненного кризиса, измеренная в баллах одноименного опросника. Методом множественной регрессии был избран обратный пошаговый анализ (Backward stepwise), который поочередно исключает независимые переменные из исходного набора, начиная с той, которая слабее других

влияет на зависимую переменную и имеет наибольшее значение p -уровня значимости β -коэффициента. Такая стратегия анализа лучше других подходит для идентификации смысло-жизненных ориентаций, которые существенно обуславливают интенсивность и глубину кризисных переживаний личности. Результаты множественной регрессии представлены в таблице 3.

Итоговая модель, отраженная в таблице 3, была получена на четвертом шаге анализа в результате последовательного удаления смысло-жизненных ориентаций, не существенных для предсказания кризиса: «коммуникативной» ($p = 0.89$), «семейной» ($p = 0.53$), «эстетической» ($p = 0.23$) и «субъектной» ($p = 0.006$). Несмотря на статистически значимый β -коэффициент ($R^2 = -0.18$, $p = 0.006$), субъектная ориентация смысла жизни была отсеяна потому, что это не влекло за собой сколько-нибудь заметного ухудшения прогностических свойств итоговой модели ($R^2 = 0.10334067$) по сравнению с моделью с тремя независимыми переменными ($R^2 = 0.103341$), согласно показаниям инкрементного F-теста: $\Delta R^2 = -0.0019$, $F(1, 328) = 1.41$, $p = 0.236$. В целом после исключения четырех смысло-жизненных ориентаций суммарная потеря

объяснимой дисперсии составила 2.5% в сопоставлении с итоговой моделью, объясняющей 10.3% дисперсии зависимой переменной. Судя по данным таблицы, самыми влиятельными предикторами смысло-жизненного кризиса в развитии личности оказались содержательно противоположные ориентации смысла жизни, совпадающие с крайними полюсами оппозиции *Бездуховное* — *Духовное*. Принятие личностью в качестве источников смысла собственной жизни духовных самотрансцендентных ценностей благотворно сказывается на ее развитии, поскольку эта ориентация предохраняет от возникновения и смягчает остроту течения ранее возникшего смысло-жизненного кризиса ($\beta = -0.27$). Выбор личностью эгоцентрических бездуховных ценностей в качестве смысло-жизненных ориентиров, напротив, ограничивает и дестабилизирует ее развитие, так как подобная направленность смысла жизни несет в себе выраженный кризисный потенциал ($\beta = 0.20$). Если описанные эффекты свести в единую картину, то получится, что наиболее кризисогенным, а значит, наименее оптимальным для развития, адаптации, здоровья, субъективного благополучия и продуктивной жизнедеятельности личности является смысл жизни,

Таблица 3

Результаты множественного регрессионного анализа

Независимые переменные	β	t	p
Самотрансцендентная ориентация смысла жизни	-0.27	-5.09	0.000001
Эгоцентрическая ориентация смысла жизни	0.20	3.76	0.000197
Статистика модели: $R = 0.321$, $R^2 = 0.103$, $F(2, 327) = 18.84$, $p = 0.000000$			

который характеризуется низким удельным весом самотрансцендентных ценностей на фоне избытка эгоцентрических ценностей. Такая содержательная композиция ведущих личностных ценностей, собственно, и создает бездуховный смысл как частную разновидность неоптимального смысла жизни.

Выводы

Помимо тех выводов, которые непосредственно вытекают из полученных результатов и отвечают на выдвинутые гипотезы, проведенное исследование имеет ряд общих теоретических следствий. Прежде всего, оно вносит дополнительные аргументы в дискуссию о предмете психологического изучения смысла жизни, которая периодически возобновляется в отечественной и зарубежной науке. Самым полемически заостренным здесь является вопрос: подлежит ли психологическому анализу содержание смысла жизни? Ответ на данный вопрос предопределяет разграничение компетенции психологии и других наук, занимающихся феноменом смысла жизни. В.Э. Чудновский, инициировавший активную разработку данной проблемы в современной российской психологии, очерчивает границы психологического подхода к смыслу жизни следующим образом: «Несомненный интерес представляет исследование структуры этого образования, соотношения в ней когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов, изучение самого процесса становления жизненного смысла, механизма его действия, изменений, происходящих с ним в критических жизненных

ситуациях, а также в ходе возрастного развития» (Чудновский, 2006, с. 196). В данной формулировке предмета основной акцент сделан на форме (формировании, структурировании, функционировании) смысла жизни как психического образования личности, но в то же время не исключаются возможность и необходимость психологического анализа его содержания. Высказывается и более категоричная позиция, согласно которой психологическое исследование не должно касаться этого содержания и вторгаться в сферу традиционного интереса теологии, аксиологии, этики и других философских наук. Д.А. Леонтьев, например, утверждает: «Вопрос, в чем состоит смысл жизни, не входит в компетенцию психологии. В сферу интересов психологии личности входит, однако, вопрос о том, какое влияние оказывает смысл жизни или переживание его отсутствия на жизнь человека, а также проблема психологических причин утраты и путей обретения смысла жизни. Смысл жизни — это психологическая реальность независимо от того, в чем конкретно человек видит этот смысл» (Леонтьев, 1993, с. 31).

В ряде наших публикаций изложена умеренная, компромиссная позиция, предлагающая более точную демаркацию границ между психологическими и непсихологическими аспектами проблемы смысла жизни (Карпинский, 2005б, 2009). В соответствии с данной позицией к ведению психологической науки не должен относиться вопрос о содержании универсального, всеобщего смысла жизни, являющегося ориентиром жизнедеятельности всего человеческого

рода. Обсуждением содержательных критериев правильного, достойного смысла жизни человечества действительно должны заниматься философские науки, на которые возложена мировоззренческая функция. Вопрос о содержании смысла человеческой жизни выходит за рамки предмета психологической науки именно в такой этико-мировоззренческой, нормативной постановке, но отсюда совсем не следует, что психология может быть безразлична к содержанию смысла жизни конкретной личности. Если не учитывать разницы между содержательным анализом всеобщего, родового и единичного, индивидуального смысла жизни, можно прийти к ложному выводу, что содержание смысла жизни в принципе является психологически irrelevantным, индифферентным фактором, который может быть проигнорирован в конкретно-психологическом исследовании. Между тем за последние десятилетия в психологии накоплен большой объем фактического материала, свидетельствующего о том, что содержание смысла индивидуальной жизни существенно воздействует на процессы формирования и функционирования личности. В этом в очередной раз убеждают и результаты настоящего исследования, показывающие, что ценностное наполнение смысла жизни детерминирует его функциональный (регуляторный) потенциал в индивидуальной жизнедеятельности, предопределяет восходящий или нисходящий характер, прогрессивную или регрессивную направленность личностного развития и, в частности, обуславливает интенсивность переживания осмысленности жизни

и напряженность симптоматики смысложизненного кризиса.

Конечно же, общий уровень осмысленности жизни и предрасположенность личности к кризису зависят не только от содержания смысложизненных ценностей, но и от формальных параметров структурной организации и практической реализации смысла жизни. Судя по относительно невысокому значению коэффициента множественной детерминации ($R^2 = 0.103$), содержательные особенности смысла жизни выступают значимым, но не единственным источником смысложизненного кризиса в развитии личности. Они объясняют детерминацию кризиса чуть более чем на 10%, а оставшаяся часть предпосылок связана уже не с бездуховным содержанием, а с дисгармоничной формой, которая охватывает множество структурных, функциональных, темпоральных, энергетических свойств смысла жизни. Наряду с неоптимальными содержательными и формальными свойствами индивидуального смысла жизни, играющими роль «эндогенных» источников смысложизненного кризиса, существуют различные «экзогенные» детерминанты, связанные с объективными условиями индивидуальной жизни и в особенности с кризисными, травматическими, экстремальными событиями. В одном из предшествующих исследований нами изучались субъективные представления людей о причинах возникновения у них негативных состояний, по своей феноменологии идентичных кризису смысла жизни. В подавляющем большинстве случаев (74%) причины кризисных состояний испытуемые атрибутировали

различным жизненным событиям, в том числе наступившим по вине и инициативе других людей, и лишь четверть испытуемых от общего числа опрошенных усматривали первопричины своих страданий в неадекватном выборе ценностей, неоптимальном планировании жизненного пути, нерациональном расходовании времени жизни, неверных жизненных решениях и прочих просчетах саморегуляции (Карпинский, 2005а). Из этого следует, что не только научные концепции, но и обыденное сознание признает приоритет экзогенной, внешней причинности над эндогенной, внутренней детерминацией смысложизненного кризиса. Но даже при том скромном вкладе, который содержание смысла жизни вносит в совокупную детерминацию кризиса, дальнейшее исследование этого содержания в качестве фактора личностной адаптации, здоровья и благополучия представляется весьма перспективным.

Результаты проведенного исследования не только отвечают на некоторые актуальные вопросы психологической науки и практики, но и поднимают новые, еще более сложные исследовательские проблемы. Они позволяют утверждать, что бездуховный смысл жизни, отличающийся дефицитом самотрансцендентных и (или) избытком эгоцентрических ценностей, является неоптимальным с функциональной точки зрения, поскольку порождает смысложизненный кризис в развитии личности как субъекта жизни. Однако они не раскрывают психологических механизмов, в силу которых самотрансцендентные духовные цен-

ности, превращаясь в смыслы индивидуальной жизни, обеспечивают личности оптимальное или по меньшей мере бескризисное развитие, а эгоцентрические бездуховные ценности, напротив, ухудшают функционирование личности и приводят ее к кризису. При объяснении кризисогенного влияния бездуховного смысла жизни на личностное развитие могут быть избраны следующие альтернативные пути (Карпинский, 2010).

1. Объяснение имманентными свойствами самих ценностей, присвоение которых в качестве источников смысла жизни помогает или вредит нормальному развитию, адаптации и здоровью личности. Такой способ объяснения в большей степени подходит для этико-мировоззренческих учений, а в психологии встречается в тех теориях, которые опираются на этические аксиомы или придерживаются определенных аксиологических пристрастий. При этом одни смысложизненные ценности априорно декларируются «здоровыми», а другие — «кризисогенными» и «болезнетворными», с точки зрения вклада в психологическую судьбу личности. В рамках данного подхода эгоцентрические ценности в силу внутренне присущих им особенностей следовало бы признать дефектными, ущербными смысловыми содержаниями, не способными полноценно осуществлять смыслообразующую функцию по отношению к целостной человеческой жизни.

2. Объяснение природой человеческих потребностей, для которых не все смысложизненные ценности одинаково полезны. Этот способ культивируется в основном философско-антропологическими учениями

и фундированными на них психологическими теориями. Общий постулат этих теорий заключается в том, что человек наделен определенным набором базовых потребностей, чаще всего врожденных, а ценности-источники смысла жизни могут быть ранжированы по критерию соответствия этим потребностям. Те смыслы жизни, которые органичны природе человека, гарантируют ему прогрессивное личностное развитие, а те смыслжизненные ценности, которые не удовлетворяют базовым потребностям, ввергают человека в кризис, стагнацию и регресс. По логике данного подхода следовало бы признать, что эгоцентрические ценности не отвечают специфической человеческой потребности в смысле жизни и не способны ее качественно удовлетворить, а потому ставка на них в жизни чревата хронической фрустрацией и кризисом.

Несмотря на свою простоту и привлекательность, первые два пути объяснения являются спекулятивными, поскольку они апеллируют к недоказуемой имманентной сущности самих ценностей или человеческих потребностей, которые они призваны удовлетворять. На наш взгляд, более правдоподобны два нижеследующих способа объяснения.

3. Объяснение спецификой взаимодействия личности с социокультурным контекстом, в котором разворачивается процесс реализации смыслжизненных ценностей. Ценности-источники смысла жизни различаются по степени конгруэнтности определенной микро- и макросреде, которая объективно способствует или препятствует их практическому осуществлению. Чем выше конгру-

энтность между личностным смыслом жизни и средовыми ресурсами, тем ниже риск возникновения и тяжесть течения смыслжизненного кризиса в развитии личности. Исходя из этого можно предполагать, что кризисогенный характер эгоцентрических бездуховных ценностей определяется взаимодействием личности с социальным контекстом, который не одобряет и блокирует их реализацию.

4. Объяснение характером взаимодействия эгоцентрических ценностей с другими ценностями в структуре индивидуального смысла жизни. Смысл жизни конкретной личности, как правило, основывается на некоторой совокупности ценностей, которые в большей или меньшей степени согласованы по своему содержанию. В ходе практической реализации эти ценности вступают в динамическое взаимодействие, в котором оказываются содействующими (комплементарными) или противодействующими (конфликтными) одна по отношению к другой. Внутренний ценностный конфликт, который может возникать при столкновении эгоцентрических бездуховных ценностей с другими источниками смысла жизни, выступает еще одним альтернативным способом объяснения кризисогенного влияния данных ценностей на развитие личности.

Последний способ объяснения представляется нам наиболее достоверным, по крайней мере, в его пользу свидетельствуют некоторые данные, полученные в настоящем исследовании. При интерпретации результатов корреляционного анализа был выявлен интересный факт,

состоящий в отсутствии значимой корреляции между противоположными по содержанию эгоцентрической и самотрансцендентной ориентациями смысла жизни ($R = 0.07$, $p = 0.20$). Это может означать лишь то, что их взаимодействие не носит реципрокного характера, когда сильная приверженность одной ориентации автоматически отвращает личность от ценностей другой ориентации. В структуре индивидуального смысла жизни могут сосуществовать содержательно несовместимые ценности, что создает потенциальную угрозу конфликта между ними. Если личность своевременно и конструктивно не преодолевает существующие противоречия, они набирают критическую массу и выливаются в более деструктивное, по сравнению с конфликтом, состояние личностного развития — смысложизненный кризис. Неразрешенный или неразрешимый конфликт между эгоцентрическим и самотрансцендентным, бездуховным и духовным в содержании смысла индивидуальной жизни может послужить внутренней предпосылкой для возникновения и эскалации смысложизненного кризиса в развитии личности. С учетом изложенного для будущих исследований может быть сформулирована следующая гипотеза: *переживание личностью смысложизненного кризиса усиливается при условии одновременного принятия эгоцентрических и самотрансцендентных ценностей в качестве источников смысла жизни, т.е. в случае конфликтного смысла жизни.*

Результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют узость и ограниченность распростра-

ненного понимания кризиса как личностного состояния, для которого характерна абсолютная бессмысленность либо пониженный уровень осмысленности жизни. Общий уровень осмысленности жизни — это, несомненно, значимый признак, свидетельствующий об отсутствии или наличии, а также о глубине протекания смысложизненного кризиса. Проблема заключается в том, что данный признак в подавляющем большинстве исследований редуцируется к формально-динамическому аспекту побудительной регуляции жизнедеятельности, сводится к энергетическим параметрам мотивации к жизни. Упускается из виду, что уровень осмысленности жизни — это еще и содержательная характеристика, связанная с мерой одухотворенности индивидуальной жизнедеятельности и указывающая на ценностное измерение, в котором личность прокладывает свой жизненный путь. Восхождение личности на более высокие уровни осмысленности сопряжено не только с приростом силы мотивации к жизни, но и с выходом к более возвышенным, духовным ценностям-источникам смысла жизни. Падение уровня осмысленности и соскальзывание личности в смысложизненный кризис связано не только с потерей мотивации к жизни, но и с содержательной деградацией смысла жизни. Очевидно, что ценности, лежащие на разных уровнях общечеловеческой иерархии и являющиеся культурными источниками индивидуальных смыслов жизни, в силу действия обозначенных выше механизмов обладают неравным смыслообразующим и персоногенным потенциалом. Чем выше локализованы

ценности на шкале *Эгоцентриция — Самотрансценденция*, тем духовнее их содержание, а следовательно, содержательнее тот смысл, которым они способны озарить индивидуальный жизненный путь, и мощнее тот импульс, который они способны придать личностному развитию человека.

Таким образом, общий уровень осмысленности — это не просто количественный параметр, отражающий побудительный «заряд» смысла жизни, это еще и качественный параметр, характеризующий его содержательное богатство и глубину. Всякий смысл жизни способен обеспечить достаточный уровень мотивации жизнедеятельности, но далеко не каждый смысл может устремить жизненный путь личности в сторону общечеловеческих духовных идеалов и гарантировать такое качество осмысленности, которое необходимо для ее прогрессивного устойчивого развития. Смыслжизненный кризис в развитии личности может быть порожден не только отсутствием, потерей либо трудностью осуществления смысла в жизни, но и наличием дефицитарного, бездуховного по содержанию смысла. В этой связи он может быть истолкован не только как *кризис дисрегуляции* индивидуальной жизнедеятельности, обусловленный отсутствием, утратой или неоптимальностью формальных (структурных, функциональных, динамических, темпоральных) параметров имеющегося смысла жизни, но и как *духовный кризис*, детерминированный содержательно приземленным, искаженным или даже извращенным по меркам общечеловеческих духовных ценностей смыслом жизни.

Наконец, самой общей проблемой, на которую логически выводят результаты проведенного исследования, является вопрос о психологических критериях и путях достижения человеком личностной зрелости. В настоящее время психологической наукой детально «прорисованы» линии онтогенетического развития отдельных процессов, сторон, сфер человеческой психики, но самые общие тенденции и закономерности становления человека зрелой личностью все еще ускользают от подробного анализа (Феномен и категория зрелости в психологии, 2007). По нашему мнению, в самом общем виде онтогенетическое развитие личности можно представить как двухплановый процесс и рассматривать в качестве относительно самостоятельных, но в то же время тесно переплетенных и воздействующих друг на друга двух линий личностных изменений: линии функциональных изменений, или развитие субъектности, и линии содержательных изменений, или развитие духовности.

Линия функциональных изменений личности — это прогрессивный субъектогенез, который проявляется в освоении созревающей личностью все более сложных форм человеческой активности, каждая из которых опирается на все более мощные и совершенные уровни личностной регуляции. Объективное усложнение каждого нового вида активности по сравнению со всеми предыдущими заключается в том, что он становится более растянутым, протяженным во времени и более экспансивным, развернутым в пространстве жизненного мира. Вместе с усложнением видов активности,

которыми овладевает растущая личность, качественно изменяются и функциональные механизмы, изнутри опосредующие процессы осуществления этой активности. С переходом на более высокие уровни психического функционирования личность приобретает способность раздвигать в индивидуальном сознании пространственно-временные границы текущего момента и преодолевать в своем поведении требования наличной ситуации. Эволюционируя в функциональном плане, личность формируется и утверждает себя сначала как субъект отдельных действий в составе совместной с другим человеком деятельности, затем как автономный субъект целостных видов поведения и деятельности, впоследствии как субъект индивидуальной жизни, а некоторые люди в своем развитии поднимаются до уровня субъекта истории, управляющего процессом жизни целых народов или всего человеческого рода. В целом линия нормального функционального развития (субъектогенез) личности ведет к приобретению способности подчинять свою активность отсроченным во времени и удаленным в пространстве, а затем и вневременным и внепространственным ориентирам. В процессе субъектогенеза человек превращается из ребенка, чья активность всецело подчинена сиюминутным потребностям и стимулам текущей ситуации, в личность зрелого взрослого, чье поведение регулируется особыми психобиографическими и психоисторическими структурами, процессами и механизмами.

Линия содержательных изменений личности — это возрастающее

одухотворение содержания тех психических структур, процессов и механизмов, которые конституируют субъектную регуляцию поведения, деятельности и жизнедеятельности. Прогрессивное поступательное движение личности к зрелости предполагает восхождение по ступеням духовного роста от эгоцентрических к самотрансцендентным смысловым содержаниям. На разных этапах этого пути личность выступает сначала как эгоист, поглощенный удовлетворением собственных потребностей и слепой к интересам других людей; потом ее ведущие интересы все больше центрируются на потребностях ближайшего социального окружения и отдельных сообществ, а впоследствии их перерастают и начинают содержательно резонировать с национальными интересами и потребностями всего общества; на высших ступенях духовного роста для личности становятся не чуждыми потребности и заботы совокупного человечества, включая прошлые и будущие людские поколения. Таков вектор содержательных изменений личности, ведущих ее к постепенному превращению из эгоцентричного существа, поработанного заботой о личном благе и замкнутого в узком мире индивидуальных потребностей, в «человека Человечества» (А.Н. Леонтьев) или «атлантического человека» (Х. Томе), чьи личностно-смысловые отношения объемлют весь земной и внеземной мир.

Подлинная личностная зрелость возникает на пересечении двух рассмотренных выше линий персоногенеза, причем линия функционального развития определяет форму, а линия

содержательного развития задает содержание личностной зрелости. Зрелая личность характеризуется и специфической формой, и особенным содержанием: *если формой существования и осуществления зрелой личности является субъектность в жизни, то содержанием зрелой личности выступает духовность*. Зрелость в таком случае конкретизируется как единство субъектной формы и духовного содержания личности, или как такой уровень личностного развития, на котором человек овладевает собственной жизнью, чтобы посвятить ее служению духовным ценностям. Проще говоря, зрелая личность существует в форме субъекта, реализующего в своей жизни духовное содержание.

Личностная зрелость имеет множество психологических коррелятов, но ее ключевые идентифицирующие признаки связаны со смыслом жизни. С одной стороны, смысл жизни является «ядром» функциональной организации личности в качестве субъекта жизни, т.е. таким психическим новообразованием, с появлением которого личность только и начинает функционировать как субъект по отношению к собственной жизни и самой себе в биографическом масштабе. С другой стороны, смысл жизни выступает «субстратом», «носителем» самых обобщенных, генерализованных смысловых содержаний в индивидуальной психике, т.е. той психологической структурой, по содержанию которой можно судить о духовности личности в целом. Поэтому уровень сформированности смысла жизни и степень одухотворенности его содержания — это основные психологические кри-

терии функциональной и содержательной зрелости личности. Субъектность в сопряжении с духовностью позволяет личности обрести смысл своей жизни в том, чтобы «быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (Рубинштейн, 1973, с. 385). В свете сказанного смысложизненный кризис может быть понят как кризис личностной зрелости, поскольку его самыми общими проявлениями являются бессубъектность и бездуховность личности по отношению к собственной жизни. Результаты проведенного нами исследования как раз и позволяют его концептуализировать не только как кризис субъектности в жизни, но и как кризис духовности, а в интеграле — как кризис личностной зрелости.

Таким образом, субъектность и духовность соотносятся как форма и содержание зрелой личности. Субъект жизни — это личность, не только достигающая высших уровней познавательной и преобразующей активности в отношении собственной жизни, но и приближающаяся к высшим уровням ее духовного осмысления. Эти уровни представлены общечеловеческими ценностями, которые «образуют тот наиболее общий и потому особенно прочный фундамент духовности, на основе которого каждый прокладывает свой жизненный путь, формируя более конкретные и частные нравственные ценности и идеалы» (Брушлинский, 2003, с. 59).

Литература

- Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Братусь Б.С.* Смысловая вертикаль сознания личности // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 81–89.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Зинченко В.П.* Размышления о душе и духовном развитии // Психология искусства. Самара: СамГПУ, 2002. Т. 1. Ч. 1. С. 3–28.
- Знаков В.В.* Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 61–71.
- Карпинский К.В.* Опросник смыслового кризиса. Гродно: ИЦ ГрГУ, 2008.
- Карпинский К.В.* Психологическая коррекция смысловой регуляции жизненного пути девиантной личности. Гродно: ИЦ ГрГУ, 2002.
- Карпинский К.В.* Психологическая характеристика смыслового кризиса // Белорусский психологический журнал. 2005а. № 1. С. 20–27.
- Карпинский К.В.* Смысл жизни: от философских воззрений к психологической теории // Психологическая служба. 2005б. № 3. С. 31–43.
- Карпинский К.В.* Смысловожизненный кризис в развитии личности как субъекта жизни // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 186–199.
- Карпинский К.В.* Социокультурная детерминация смыслового кризиса в развитии личности // Белорусский психологический журнал. 2010. № 1. С. 33–41.
- Леонтьев Д.А.* Духовность, саморегуляция, ценности // Известия Таганрогского государственного радиотехнического ун-та. 2005. № 7. С. 16–21.
- Леонтьев Д.А.* Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.
- Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 68–77.
- Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность как критерий личной зрелости // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 149–173.
- Пономаренко В.А.* Психология духовности. М.: Магистр, 1998.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека: Основы психологической антропологии. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Чудновский В.Э.* Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды. М.: Изд-во МСПИ, 2006.
- Шадриков В.Д.* Духовные способности. М.: Магистр, 1996.
- Эммонс Р.* Психология высших устремлений: Мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004.
- Adler A.* Sens zycia. Warszawa: PWN, 1986.
- Chamberlain K., Zika S.* Religiosity, life meaning and well-being: Some relationships in a sample of women // Journal for the Scientific Study of Religion. 1988. 27. 3. 411–420.

- Crandall J.E., Rasmussen R.D.* Purpose in life as related to specific values // *Journal of Clinical Psychology*. 1975. 31. 483–485.
- Dufton B., Perlman D.* The association between religiosity and the purpose in life test: Does it reflect purpose or satisfaction? // *Journal of Psychology and Theology*. 1986. 14. 42–48.
- Gerwood J., LeBlanc M.* The purpose in life test and religious denomination: Protestant and catholic scores in an elderly population // *Journal of Clinical Psychology*. 1998. 54. 49–53.
- Leak G.* An empirical assessment of the relationship between social interest and spirituality // *The Journal of Individual Psychology*. 2006. 62. 1. 59–69.
- Leak G.* Religiousness and social interest: An empirical assessment // *The Journal of Individual Psychology*. 1992. 48. 288–301.
- Mascaro N., Rosen D., Morey L.* The development, construct validity, and clinical utility of the spiritual meaning scale // *Personality and Individual Differences*. 2004. 37. 845–860.
- Morgan J., Farsides T.* Psychometric evaluation of the meaningful life measure // *Journal of Happiness Studies*. 2009. 10. 351–366.
- Mosak H., Dreikurs R.* Spirituality: The fifth life task // *The Journal of Individual Psychology*. 2000. 56. 3. 257–265.
- Oles P.* *Wartosciowanie a osobowosc*. Lublin: KUL, 1989.
- Piedmont R.L.* Spiritual transcendence and the scientific study of spirituality // *Journal of Rehabilitation*. 2001. 67. 4–14.
- Popielski K.* *Noeticzny wymiar osobowosc: Psychologiczna analiza poczucia sensu zycia*. Lublin: KUL, 1994.
- Reker G.* Theoretical perspective, dimensions, and measurement of existential meaning // G. Reker, K. Chamberlain (eds.). *Exploring existential meaning: Optimizing human development across the life span*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 39–55.
- Reker G., Wong P.* Aging as an individual process: Toward a theory of personal meaning // J.E. Bitten, V.L. Bengston (eds.). *Emergent theories of aging*. N.Y.: Springer, 1988. P. 214–246.